

ком же стиле (показывает на куклу, сидящую на соседнем стуле). О Ралетт часто говорят как о самой популярной французской художнице.

Е. М.: Вам не кажется, что в России до сих пор какое-то прагматичное отношение к искусству?

И. А.: Да. Это потому что советские люди воспитаны на классическом подходе к живописи, немного утилитарном. Если это картина, она непременно должна быть написана маслом и висеть на стене в рамке. Идеаль-

Беседовала Екатерина Мельникова
Фото: Алексей Абрамчук,

Об Игоре Андрееве в России известно не так уж много, и то в основном по книгам и журнальным колонкам его друга — писателя-бунтовщика Эдуарда Лимонова. Художник почти 30 лет живет в Париже, выставляет свои работы в именитых французских галереях, но до сих пор причисляет себя к представителям русского искусства.

Редакция журнала Kuban Airlines благодарит компанию «Династия PR» за помощь в проведении интервью

Французский русский

Игорь Андреев (разглядывая вышитые вручную одеяла на экспозиции в Краснодарском выставочном зале): Вы только посмотрите! Ведь это удивительные вещи! Понять не могу, почему в России они совершенно не ценятся.

Екатерина Мельникова: Потому что *hand-made* и *винтаж* у многих ассоциируются с бедностью. Недавно как раз читала статью на эту тему. В России до сих пор ценят внешнее «богатство».

И. А.: Для меня это очень странно. Тем более что народное творчество сегодня очень популярно во Франции, да и во всем мире. В Париже есть такая художница — Ралетт Мессенжер, — она делает куклы вот в та-

кий вариант — если будет нарисована какая-нибудь корова — она же молоко дает, — а вокруг цветочки всякие и лес вдалеке. Такая получается всем понятная сцена. Вот взять, например, гостиницу, где я остановился, — над кроватью висит картина с цветочками. Я искренне не могу понять, почему эти цветочки должны быть приятны всем. Лично мне бы больше понравилось, если бы они повесили картину с красиво обнаженными натурами. Но вообще, по большому счету все это мелочи. В целом я в восторге от Краснодара. Он оказался именно таким, каким я его себе представлял. Такое ощущение, как будто я здесь долго жил.

Е. М.: Если не ошибаюсь, до отъезда в Париж вы долго жили в Питере?

И. А.: Да. Я обожаю этот город. Но там сплошная суматоха.

Е. М.: Что тогда говорить о Москве?

И. А.: Москва — это большой вокзал. Смотришь — все с чемоданами, вокруг сплошные пробки, все ругаются. И ощущение, как будто сейчас уходит поезд, ты стоишь на перроне, а документы украли.

Е. М.: То есть Москва — не ваш город?

И. А.: Я очень люблю Москву, обожаю ее архитектуру. У меня когда-то была мастерская на Чистых прудах, но я ее оставил. Москва — очень ин-

Советские люди воспитаны на классическом подходе к живописи. Если это картина, то она должна быть написана маслом, и висеть на стене в рамке

тенсивный город, ты идешь по ее улицам и чувствуешь, что воздух заряжен какой-то бешеной энергией. Меня привлекают масштабы столицы — все громадное, много рекламы, афиш. Но, с другой стороны, все это иногда угнетает, доводит до того, что ты чувствуешь себя одним из пауков, плотно закрытых в банке. У вас в Краснодаре все по-другому — здесь царит какой-то домашний уют, все медленные, нарядные. Ощущение, как будто приехал отдыхать.

Е. М.: Хотите сказать, что работать здесь вы бы не стали?

И. А.: Для моей работы — творчества — совершенно не важно, где ты находишься, — какая это страна, какой город. Меня посещает вдохновение, когда я, независимо от места, иду по улице, и тут что-то вдруг начинает меня будоражить, появляются идеи.

Е. М.: Поэтому вы так легко меняете города?

Для меня деньги — лишь способ жить, но не самоцель. Хороший художник не может быть бизнесменом.

И. А.: Возможно. Знаете, вот сейчас я живу в Париже, но попал туда абсолютно случайно. В начале 1980-х я обитал в Нью-Йорке, а оттуда собрался переезжать в Рио-де-Жанейро. Когда отправился покупать билеты в Бразилию, встретил по пути в аэропорт одного моего друга, который минут за пять отговорил меня лететь в Рио, сказав, что там сейчас — а это было в начале августа — холодно и идут дожди. Я тут же передумал и решил ехать вместе с ним в Барселону через Париж. Но когда прилетел во французскую столицу, она мне так понравилась, что никакой Барселоны мне уже не надо было. В Париже у нас со временем такая компания собралась, что было не до скуки. Одни Стацинский с Лимоновым чего стоят!

Е. М.: Все то, о чем пишет Лимонов в своих книгах и колонках, — реальные истории?

И. А.: Я всего не читал, но, учитывая все наши богемные годы в Париже, историй хватило бы на много книг. Эдик приехал туда году в 1983-м; в это время, помню, у нас были наполеоновские планы — захватить какой-то дом в центре Парижа, где мы будем жить: я — писать картины, а он — книги. Но эту задумку мы так и не осуществили. Лимонов поселился в простой квартире вместе с Наташей Медведевой, у них там были драмы постоянные. Я про них фильм снял, называется «Париж-86», в Интернете можно найти. Тогда я купил дорогущую по тем временам камеру и развлекался тем, что снимал своих друзей. Сейчас я понимаю, что это была хорошая идея — в Париже очень много художников, которые куда-то исчезли и теперь о них ничего не слышно. Вообще, сложные мы люди — художники, — драматичные персонажи, от которых можно ожидать чего угодно. Мы всегда стараемся оставаться свободными в мире, где все от чего-то зависит.

Е. М.: Вы можете сказать о себе, что вы независимы от денег и от того, продаются ваши картины или нет?

И. А.: Да, я могу сказать, что свободен от денег. Для меня они — лишь способ жить, но не самоцель. Хороший художник не может быть бизнесменом. Ведь это две разные профессии. Многим моим коллегам, кстати, очень везет в том, что их жены занимаются продвижением их творчества — заключают договоры с галереями, находят покупателей для картин.

Е. М.: А ваши картины в основном кто покупает — такие же, как вы, эмигранты из России или французы?

И. А.: В основном французы. Эмигранты ничего не покупают, потому что у них нет на это денег. Еще из Москвы кто-то может купить мои работы...

Е. М.: Для ваших картин вам позировали люди или все те, кого вы нарисовали, — воображаемые личности?

И. А.: Всех своих персонажей я беру из головы, вылавливаю из воображения. Зачем мне натурщицы? Они меня смущают, сбивают с толку. Меня постоянно спрашивают: «Сделаете ли вы мой портрет?» А я то и дело отвечаю, что нет. К Пикассо тоже постоянно обращались с таким вопросом, причем просили нарисовать сколько угодно ушей, глаз и подбородков. Он издевался над ними и еще за это деньги брал. Я так не могу, мне людей жалко. ➔